

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Свящ. И. Петропавловский

Богочеловеческий образ Иисуса Христа

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

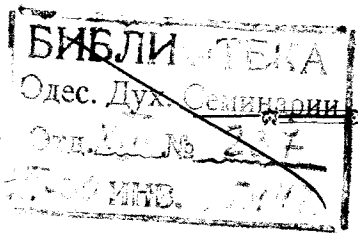
2-64
5543

БОГОЧЕЛОВЪЧЕСКІЙ ОБРАЗЪ ІІСУСА ХРИСТА.

Свящ. І. Петропавловскаго.

ИЗЪ ОБЩЕДОСТУПНЫХЪ ЧТЕНІЙ, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ВЪ
ЗАЛЪ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ ВЪ 1881 И 1882
ГГ. ОТЪ МОСКОВСКОЙ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ.

Напечатано на счетъ потомственнаго почетнаго гражданина
Алексея Ивановича Абрикосова.

МОСКВА.

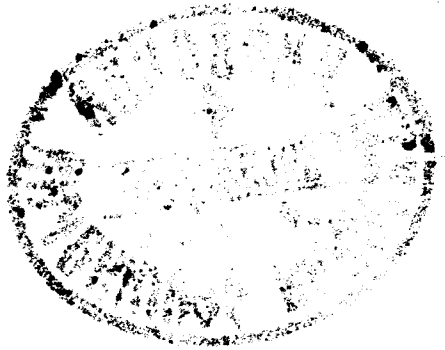
Типографія М. П. Щенкина, Средняя Кисловка, домъ Волковыхъ.

1 8 8 2.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется.
Московская Духовная Академія. Мая 24 дня 1882 года.

Цензоръ-протоіерей *Михаилъ Боголюбовскій.*

Богочеловѣческій образъ Иисуса Христа.

І. Чтеніе.

Высокоуважаемые слушатели!

Осмѣливаюсь начать свою рѣчь предложеніемъ вамъ вопроса: какой изъ всѣхъ догматовъ нашей Христіанской вѣры можетъ быть признанъ основнымъ или центральнымъ? По нашему личному мнѣнію, это— догматъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ, есть истинный Богъ (Сынъ Божій) и человѣкъ, *Богочеловѣкъ*. Да: догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа есть жизненный центръ, на которомъ все зиждется, отъ котораго все исходить и къ которому все возвращается въ нашей Христіанской религіи. Онъ проводитъ рѣзкую грань между ветхимъ и новымъ завѣтами, отмѣняя первый и утверждая послѣдній; онъ собственно открываетъ намъ въ ясномъ свѣтѣ, на сколько способенъ воспринять умственный взоръ человѣка, тайну бытія Божія — троеличность въ единствѣ существа; онъ возводитъ насъ къ высочайшему и отраднѣйшему понятію о Богѣ, какъ Любви, безграничной, безконечной. На немъ, какъ на скаль, незыблемо стоитъ единственно правильное и плодотворное начало нашей жизни, опредѣляющее наши взаимныя отношенія — вмѣстѣ съ любовью къ Богу *любовь другъ къ другу* до самоотверженія, безъ

различія званій, состояній и даже народностей. Отъ этого догмата получаетъ свое полное освѣщеніе происхожденія грѣха въ родѣ человѣческомъ и зла въ мірѣ; въ немъ коренится наша вѣра въ искупленіе отъ грѣха крестною смертію Спасителя и въ возрожденіе нашего духа благодатными дарами Св. Духа. Словомъ сказать: все, что только входитъ въ составъ Христіанской религіи, пріобрѣтаетъ свой смыслъ и оправданіе отъ догмата о Богочеловѣчествѣ Христа.

Еслибы мы имѣли въ виду раскрыть въ цѣльномъ и связномъ видѣ ученіе Христіанства, по крайней мѣрѣ, въ его главныхъ чертахъ, то положили бы во главу ученія „Богочеловѣчество Христа“ и легко показали бы, какъ изъ этого догмата, какъ изъ зерна, естественно, законно и неотразимо развиваются всѣ прочія истины Христіанства. Разъ принявши догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа, какъ непреложную истину, мы уже не можемъ отказать въ признаніи и всѣмъ прочимъ истинамъ Христіанства. И вы сами, высокоуважаемые слуш., не чувствуете ли, что вся ваша христіанская вѣра въ послѣднемъ основаніи покоится на вѣрѣ въ Богочеловѣчество Христа. Не будь этой вѣры, кто бы принудилъ васъ принять на примѣръ таинственнѣйшій догматъ о троичности лицъ Бога и единствѣ Его существа? И самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ ставитъ себя средоточіемъ всей основанной Имъ религіи: Онъ называетъ себя *камнемъ*, лежащимъ въ главѣ угла, т. е. основаніемъ всей церкви христіанской; не словомъ только, но самымъ дѣломъ открываетъ Онъ на землѣ во всей полнотѣ царство Божіе; не временнымъ и случайнымъ органомъ слова Божія, подобно древнимъ пророкамъ, объявляетъ себя міру, но непосредственнымъ источникомъ, вѣчнымъ вмѣстительствомъ, живымъ воплощеніемъ

этого слова: *Я есмь путь, истина и жизнь* *); въ своемъ лицѣ Онъ указываетъ наглядное и полное откровеніе небеснаго Отца: *если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего; видѣвшій Меня, видѣлъ Отца, Я въ Отца и Отецъ во Мнѣ* **); съ Самимъ Собой Онъ связываетъ все спасеніе человѣка: *никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня* ***); и Самого Себя предвѣщаетъ будущимъ Судьей человѣчества по концѣ міра: *многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! и проч.* ****). На чемъ же утверждаетъ Господь это центральное мѣсто, какое отводитъ Себѣ въ основанномъ Имъ новомъ союзѣ, новомъ заветѣ между Богомъ и человѣствомъ? На безпримѣрномъ, чрезвычайномъ достоинствѣ своей природы, на своемъ Богочеловѣчествѣ. Итакъ догматъ, что Христосъ есть истинный Сынъ Божій, какъ и Сынъ человѣскій, истинный Богочеловѣкъ, есть всепроникающая сила, всеоживляющая душа, начало, середина и конецъ, альфа и омега нашей Христіанской религіи.

Вопросъ теперь въ томъ: что такое этотъ догматъ самъ въ себѣ?

Глубокая и великая тайна: *велия благочестія тайна: Богъ явися во плоти* (Тим. 3, 17). Дѣйствительно догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа стоитъ предъ нами, если можно такъ сказать, вѣчно-неразрѣшимой задачей: нашъ разумъ по своей ограниченности такъ же мало можетъ разъяснить его, какъ человѣкъ, взявшій ложку, вычерпать ея воды океана. Догматъ отнюдь не запре-

*) Иоанн. 14, 6.

**) Ів. ст. 7, 9, 10.

***) Ів. ст. 6.

****) Мѣ. 7, 22.

щаетъ, напротивъ всегда вызываетъ насъ на новыя и новыя попытки къ его рациональному разрѣшенію, и такимъ образомъ служить постояннымъ стимуломъ къ углубленію и расширенію нашего философско-богословскаго міровоззрѣнія; но самъ по себѣ, по своему существу онъ и былъ, и есть, и всегда долженъ оставаться предметомъ нашей вѣры. Однакожъ такой коренной догматъ христіанства не можетъ висѣть на воздухѣ и вѣра христіанина въ него не можетъ быть безусловно слѣпой. Христіанству въ его истинномъ духѣ рѣшительно чуждо требованіе тупаго, слѣпаго, безотчетнаго подчиненія себѣ: это—подчиненіе приниженнаго и забитаго раба, а не свободнаго. Между тѣмъ Христіанство всѣмъ существомъ своимъ принесло въ міръ именно начало свободы для всѣхъ высшихъ и естественныхъ стремленій человеческого духа, каково, наприм., строго-разумное, сознательное отношеніе къ предметамъ вѣры. Если изъ нѣдръ католицизма когда-то вышло пресловутое изреченіе: *credo, quia absurdum est*, то, на-оборотъ, изъ устъ одного апостола, безъ сомнѣнія, и полнѣе и чище носившаго въ себѣ истинный духъ христіанства, чѣмъ католицизмъ, мы слышимъ глубоко-поучительное слово: *будьте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать ответъ съ кротостію и благоволеніемъ* *).

Дать краткій и благоговѣйный отвѣтъ объ основаніяхъ нашей вѣры въ Христа, какъ Богочеловѣка—вотъ требованіе истиннаго Христіанства.

Что же имѣетъ своимъ основаніемъ таинственный догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа? Не отвлеченныя начала какой-либо метафизики или философіи, но жизнь;

*) 1 Петр. 3, 15.

жизнь въ ея безусловной полнотѣ и совершенствѣ, жизнь, въ которой идея и дѣйствительность слились въ безпримѣрное гармоническое единство. Мы разумѣемъ истинное, историческое и живое лице Христа, какъ оно открыло себя міру и точными и неизгладимыми чертами отпечатлѣлось въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о Христѣ. Оно именно, это живое лице въ плоти и крови человѣка, послужило творческою силою, вызвавшею на свѣтъ чудный догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа. Всѣми проявленіями Своего духа, всей полнотою Своей жизни и дѣятельности Господь Христосъ безспорно явилъ Себя міру истиннымъ Богомъ въ истинной природѣ человѣка, Богочеловѣкомъ; и вотъ догматъ о Богочеловѣчествѣ Христа естественно и неотразимо предсталъ предъ сознаніемъ окружающихъ Господа лицъ чистыхъ сердцемъ (которые одни способны видѣть Бога), какъ прямой выводъ изъ общаго впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ Христомъ, какъ непосредственное выраженіе того, чѣмъ показала Себя Христосъ истинно, дѣйствительно, въ самой Своей жизни. Подъ могучимъ воздѣйствіемъ живаго лица Христа, этотъ догматъ открылся, утвердился и распространился въ міръ даже вопреки всякой философіи, показавши людямъ, что жизнь безконечно глубже и выше всякаго отвлеченнаго мышленія, не укладывается въ его рамки, не подчиняется его требованіямъ, напротивъ, сама требуетъ отъ него подчиненія себѣ и переработки по своимъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ законамъ.

Такъ тайна догмата о Богочеловѣчествѣ Христа есть собственно тайна самого бытія Христа, тайна Его лица: въ догматѣ, какъ въ нѣкоторомъ фокусѣ, совмѣщено въ одно цѣлое, въ одну мысль, въ одно опредѣленіе лишь то, что представляютъ собой дѣйствительно всѣ черты,

лица Христа, открытыя міру и сохранившіяся до насъ въ евангеліяхъ. Поставьте себя ближе къ живому лицу Христа подъ руководствомъ евангельской исторіи о Немъ; отрѣштесь отъ всякаго болѣе или менѣе сомнительнаго философскаго міровоззрѣнія, какое могло быть выработано вами самими или заимствовано извнѣ, со стороны; отдайтесь всецѣло впечатлѣніямъ историческаго лица Христа, — и вы несомнѣнно вынесете убѣжденіе, что это истинно Богъ и человѣкъ вмѣстѣ, Богочеловѣкъ.

Собрать, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ евангелій, отдѣльныя черты лица Христа и соединить ихъ въ одно цѣлое; такимъ образомъ возстановить предъ нашимъ сознаниемъ, если не во всѣхъ, то въ главныхъ чертахъ евангельскій образъ Христа и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что этотъ образъ въ своей жизненной дѣйствительности какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ догматическому ученію о Христѣ какъ Богочеловѣкѣ — такова собственно задача нашихъ двухъ чтеній. —

Съ трепетомъ сердца приступаемъ мы къ выплненію своего дѣла; ибо сознаемъ, что оно рѣшительно выше нашихъ силъ. Но мы не стѣсняясь признаемся открыто и предварительно въ своемъ слабосиліи. Дѣло въ томъ, что ниодинъ богословъ, при всей многоучности и многоопытности, не въ состояніи начертать намъ образъ Христа, вполне обнимающій собой всѣ черты Его лица, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ евангелій и непосредственно слитыя съ разказами о разныхъ событіяхъ изъ жизни Господа. Почему такъ? Съ одной стороны вслѣдствіе вѣчной неисчерпаемости евангельскихъ чертъ лица Христа; съ другой — вслѣдствіе естественной ограниченности, постоянного несовершенства нашего нравственнаго раз-

витія. Самъ въ себѣ Христосъ есть абсолютный идеаль нравственнаго совершенства и отображеніе Его въ евангеліяхъ до такой степени неподражаемо совершенно, что мы постоянно открываемъ въ нихъ новыя и высшія черты лица Христа и никогда, ни при какихъ усиліяхъ не можемъ объять ихъ своимъ сознаниемъ безусловно всѣ, въ ихъ совершенной полнотѣ. Если гдѣ, то именно въ этомъ случаѣ успѣхъ нашего знанія зависитъ почти исключительно отъ прогресса нашего нравственнаго развитія: чѣмъ выше мы сами поднимаемся по лѣстницѣ нравственнаго совершенства, тѣмъ полнѣе и яснѣе, тѣмъ болѣе совершенныя и высокія черты подмѣчаемъ и открываемъ и въ евангельскихъ изображеніяхъ лица Христа. Какъ самъ въ себѣ Христосъ, такъ и евангельскій образъ Его истинно чудный и таинственный: онъ всегда близокъ къ намъ и въ тоже время съ каждымъ новымъ приближеніемъ къ нему какъ-будто всегда удаляется отъ насъ; онъ не только неосуществимъ въ своей полнотѣ для нашей жизни, но и неуловимъ для нашего сознанія, для простаго познанія его мыслію. Это вѣчный идеаль, какъ для нашей нравственности, такъ и для нашего разума. Для полнаго научнаго отображенія евангельскаго лица Христа богослову нужно самому стоять нравственно на безконечной высотѣ его совершенства; но, конечно, это ни для кого изъ смертныхъ невозможно. Вотъ почему, каждый богословъ или апологетъ, воспроизводя историческое лице Христа, подъ руководствомъ евангелій, всегда и неизбѣжно кладетъ на немъ печать своего личнаго нравственнаго развитія: онъ замѣчаетъ и вноситъ въ свое изображеніе лишь тѣ черты евангельскаго образа Христа, которыя въ немъ самомъ сравнительно болѣе развиты и опускаетъ тѣ, которыхъ самъ въ себѣ не имѣетъ; отсюда при сличеніи его дѣла

сть евангельскими чертами лица Христа другой всегда найдетъ въ его трудѣ односторонность, неполноту, несовершенство въ томъ или иномъ отношеніи. Вотъ почему даже лучшіе богословы и апологеты, со всею рачительностію занимавшіеся научнымъ изображеніемъ лица Христа, не стыдятся заявлять о недостаткахъ своей работы. Тѣмъ болѣе мнѣ, послѣднему работнику на богословскомъ полѣ, приличествуетъ подобное заявленіе относительно предпринятаго мною дѣла.

Но здѣсь необходимо сказать еще слѣдующее. Никто не можетъ заподозрить, чтобы мы въ своемъ изображеніи евангельскаго лица Христа дерзнули на попытку представить это лице въ какомъ либо преувеличенномъ видѣ, т. е. въ болѣе возвышенныхъ и совершенныхъ чертахъ, чѣмъ какія даютъ намъ евангельскія сказанія о Христѣ. Евангельскій образъ Господа правда своими отдельными чертами находится разбѣяннымъ въ нашихъ евангеліяхъ, однако въ цѣломъ стоитъ предъ нами столь безусловно совершеннымъ, что всякая человѣческая попытка къ какому-либо возвышенію, или идеализированію его, въ дѣйствительности не прибавляла бы къ этому образу, но убавляла бы изъ него, не представляла бы его въ болѣе величественномъ видѣ, но искажала бы, уродовала бы этотъ образъ. Для абсолютно совершеннаго нѣтъ возможности въ дальнѣйшемъ усовершенствованіи. Прекрасно говорить о возможности возвысить евангельскій образъ Христа человѣческимъ словомъ или вообще какимъ либо орудіемъ искусства одинъ апологетъ: „никакой образъ Спасителя, будь онъ произведеніемъ руки Рафаеля, Дюрера или Рубенса, никакой эпосъ, хотя бы принадлежалъ гению Данта или Мильтона и Клопштока, не въ состояніи улучшить простой, безыскусственный рассказъ евангелій,

единственная, но всемогущая прелесть котораго заключается въ его истинѣ. Въ этомъ случаѣ истина по всей справедливости удивительнѣе и сильнѣе, нежели поэзія и всего лучше говоритъ сама за себя, безъ комментариевъ, объясненій и восхваленій. Здѣсь и только здѣсь вышайшее совершенство искусства остается позади исторической истины и фантазія не находитъ себѣ мѣста для идеализированія дѣйствительности. Ибо здѣсь мы имѣемъ абсолютный идеалъ во всей его жизненной реальности.“

Какъ ни желали бы мы послѣпить переходомъ къ намѣченному нами главному дѣлу, изображенію лица Христа, но убѣжденные, что имѣемъ предъ собой образованныхъ лицъ, привыкшихъ слышать послѣдовательное, систематическое развитіе мыслей, не можемъ обойти здѣсь еще одного изъ наиболѣе важныхъ предварительныхъ вопросовъ, касающихся нашего предмета: вопроса о достовѣрности евангельской исторіи о лицѣ Іисуса Христа. Вопросъ этотъ, очевидно, чисто историческій, и мы имѣли бы возможность представить цѣлый рядъ самыхъ твердыхъ, историческихъ свидѣтельствъ, возвышающихъ евангельскую исторію о Христѣ надъ всякимъ сомнѣніемъ и критикой. Но, къ сожалѣнію, идти здѣсь по дорогѣ исторіи едва ли было бы уместно: мы уклонились бы слишкомъ далеко отъ своей главной цѣли. Поэтому волей-неволей въ настоящемъ случаѣ предпочтемъ избрать другой, болѣе краткій путь для доказательства несомнѣнной исторической достовѣрности евангельскихъ сказаній о Христѣ. Это путь вывода или заключенія отъ факта общеизвѣстнаго, поразительнаго, продолжающагося цѣлые вѣка, на внутреннюю силу и значеніе котораго еще не посягала доселѣ никакая рука критика.

Этот фактъ состоитъ въ слѣдующемъ. Христосъ— Царь, слову котораго подчиняются и властители земель и ихъ подданные, и знатные и незнатные, и ученые и простые; Его царство, получивъ начало въ бѣдной странѣ почти два тысячелѣтїя тому назадъ, продолжается доселѣ и распространяется далѣе и болѣе до послѣднихъ предѣловъ земли. Какими же средствами утвердилъ въ мїрѣ этотъ всевышній Царь, Царь царей, свое чудное, могущественное царство? Вотъ здѣсь-то мы и останавливаемся въ недоумѣнїи предъ рѣшительнымъ, безусловнымъ несоотвѣтствїемъ средствъ (въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли предполагать ихъ) произведеннымъ ими результатамъ. Власть Христа на землѣ необычайна, безпримѣрна, а между тѣмъ мы не видимъ у него никакихъ такихъ орудїй или средствъ, какими обыкновенно прїобрѣтается даже малѣйшая власть въ мїрѣ или преимущество предъ другими. Посмотрите: бѣдный, неученый, неизвѣстный плотникъ выступаетъ на поприще общественной дѣятельности даже безъ опытности пожилаго возраста. Онъ выходитъ на дѣло безъ знатныхъ друзей, безъ всякой опоры со стороны власти имѣющихъ напротивъ, тотчасъ же возстаютъ противъ Него и ненависть и предразсудки сильныхъ міра сего. Онъ стоитъ и дѣйствуетъ на общественной аренѣ всего три года съ половиной и затѣмъ умираетъ позорнѣйшею смертію преступника. Что же совершилъ Онъ въ столь короткое время? Мало такихъ дѣлъ, которыя обыкновенно называются великими: не завоевалъ никакой земли, не управлялъ никакимъ государствомъ, не основалъ никакого строго организованнаго общества, не оставилъ никакого ученаго изслѣдованїя, не создалъ никакого парящаго въ заблачныя выси поэтического произведенїя. Кромѣ оспариваемыхъ невѣриемъ чудесъ,

все, что мы имѣемъ отъ Христа, — это только всецѣло простыя, безыскусственные рѣчи, выраженные безъ системы, по разнымъ случаямъ, въ разныхъ мѣстахъ. И при всемъ томъ Онъ владѣетъ мїромъ, и для сотенъ милліоновъ своихъ подданныхъ, непрерывной чередой смѣняющихся другъ друга, изъ вѣка въ вѣкъ остается неизмѣнно живымъ, какъ для своихъ современниковъ— послѣдователей. Знаменитые философы и полководцы древняго и новаго времени: Сократъ и Платонъ, Кантъ и Гегель, Александръ вел. и Цезарь, Карлъ вел. и Наполеонъ,—все эти люди давно уже стали достоянїемъ исторїи. Послѣ того, какъ они отжили свой вѣкъ, уступили мѣсто другимъ, и много—много если какой другъ или вѣрный поклонникъ съ грустію вспоминалъ о нихъ въ продолженіе одного поколѣнїя. А теперь? Теперь имена ихъ служатъ только темой для школьныхъ задачъ и дѣянїя ихъ легко подпадаютъ подъ удары педанта, который свободенъ или обругать ихъ, или снисходительно похвалить. Какая бездна различїя между печальной исторической судьбой этихъ великихъ людей и всегда славной, вѣчной жизни Христа въ мїрѣ! Уже протекаетъ 19 вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ жилъ на землѣ; но можно сказать, что еще не сходилъ съ нея, еще занимаетъ свое мѣсто предъ нами. Съ тѣхъ поръ одни (цѣлыя тысячи) положили и полагаютъ жизнь свою за Спасителя, другїе враждуютъ противъ Него, но всегда еще идетъ о Немъ дѣло и исторїя никакъ не можетъ завладѣть Имъ. И въ наше время нельзя еще найти руку, способную хладнокровно написать даже внѣшній образъ Господа. Да, это удивительно, чудно, безпримѣрно! Если мы спросимъ васъ: кто были величайшіе ораторы,—не припоминаете ли вы тотчасъ же имена Димосена, Цицерона, Златоуста, Боссюэта и др., кто были

величайшіе ученые!—не вызывается ли въ вашей памяти цѣлый рядъ именъ, кромѣ имени Христа. Даже при вопросѣ о высшемъ изъ подвижниковъ, произнесете ли вы: Иисусъ Христосъ? И однако одно имя: *Христосъ!* отодвигаетъ для васъ въ безконечную даль всѣ прочія имена, покрываетъ ихъ густымъ мракомъ и оставляетъ предъ вами во всемъ лучезарномъ блескѣ одно ни съ чѣмъ несравненное лице. Безъ власти, безъ учености и краснорѣчія, безъ всякихъ вообще вспомогательныхъ средствъ и вліяній, какія обыкновенно признаются необходимыми каждому человѣку для достиженія какой-либо высшей цѣли, Христосъ стоитъ одиноко по срединѣ двухъ міровъ, древняго и новаго. Онъ совершаетъ тихій, медленный, но радикальный переворотъ въ исторіи человѣческой, сообщаетъ новое направленіе жизни человечества во всѣхъ ея высшихъ проявленіяхъ, смягчаетъ грубые, часто звѣрскіе народные нравы, сокрушаетъ вѣковую раздѣлительную стѣну между рабами и свободными, между кастами, племенами и народами, возвращаетъ и отстаиваетъ для cadaго человѣка дарованное ему Богомъ человѣческое право бытія: супружество и семью ставитъ на высокой пьедесталь, гражданству указываетъ достойную цѣль—соединеніе индивидуумовъ для общаго блага жизни при сохраненіи свободы и самостоятельности cadaго; вызываетъ на свѣтъ новые виды науки, и образцы искусства, полные глубокой содержательности и сердечности и все это утверждаетъ на одномъ неизмѣнно-прочномъ и вѣрномъ началѣ—на идеѣ гуманности, вытекающей изъ идеи любви Бога, безразлично согрѣвающей солнцемъ и злыхъ и добрыхъ и орошающей дождемъ праведныхъ и неправедныхъ. (Матѣ. 5, 45). Гдѣ же ключъ къ объясненію этого загадочнаго міроваго феномена? Въ одномъ только еван-

гельскомъ лицѣ Христа, въ одной той всемогущей силѣ духа, которая ясно проходитъ чрезъ всѣ черты евангельскаго изображенія Христа. Одинъ только евангельскій Христосъ, какъ увидимъ скоро, представляетъ намъ полное и достаточное объясненіе произведеннаго Имъ чуднаго, всеобъемлющаго дѣйствія въ мірѣ. Такъ всею долговѣчной и безграничной властью Христа на землѣ, всѣми необычайными дѣйствіями Его въ мірѣ мы приводимся къ непоколебимому убѣжденію въ несомнѣнной внутренней правдѣ евангельской исторіи о Христѣ.—

Переходимъ теперь къ самому дѣлу—къ изображенію лица Христа по указаніямъ нашихъ евангелій.

Не много времени, какъ мы уже замѣтили, дѣйствовалъ Христосъ на поприщѣ служенія роду человѣческому: всего три года съ половиной; но въ этотъ краткій періодъ времени духъ Его раскрылся со всѣхъ сторонъ, представляетъ намъ такое богатство проявленій, какого не сохранила исторія ни отъ одного другаго историческаго лица. Мы видимъ Господа въ самыхъ разнообразныхъ состояніяхъ и положеніяхъ человѣческой жизни: какъ сына, брата, друга, гражданина, учителя. Онъ обращается со всѣми классами и видами общества—съ богатыми и бѣдными, съ образованными книжниками, съ знатными членами синагоги и съ неучеными рыбаками и презрѣнными мытарями, съ благочестивыми и грѣшниками, съ больными и здоровыми, съ взрослыми мужчинами и женщинами и съ дѣтьми, съ друзьями и врагами; то въ бесѣдѣ съ такимъ мужемъ какъ Никодимъ, то съ Самарянкой, то въ тѣсномъ кружкѣ учениковъ, то въ многочисленной толпѣ народа. Мы находимъ Его и въ синагогахъ и храмѣ, въ домахъ и пустыняхъ, въ деревняхъ и въ городахъ, и на берегахъ Галилейскаго озера, и на веселомъ свадебномъ пирѣ, и на

печальної могилі. Ми слѣдимъ за Нимъ въ ужаснихъ душевнихъ страданіяхъ Его въ Геосиманіі, въ домѣ гражданскаго судьи, предъ первосвященниками, въ середѣ грубихъ солдатъ и фанатичної толпы и, наконецъ, въ жестокихъ крестнихъ мукахъ на Голгофѣ.

Какимъ же видимъ Его во всѣхъ этихъ положеніяхъ?

Присмотримся прежде всего къ тѣмъ впечатлѣніямъ, якія производилъ Христосъ на окружавшихъ Его современниковъ. Ни для кого, кто имѣлъ случай такъ или иначе вступать въ ближайшее соприкосновеніе съ Христомъ, лице Его не оставалось обыкновеннымъ, зауряднымъ; напротивъ на всѣхъ оказывало чрезвычайное, непримѣрное впечатлѣніе. Пророчество старца Симеона: *Сей лежитъ на паденіе и возстаніе многимъ*, съ буквальной точностію исполнилось на Христѣ. Одни, при ближайшемъ обращеніи съ Христомъ, больные тѣломъ и духомъ, радостно чувствовали на себѣ, исходившую отъ Него, силу исцѣленія всевозможныхъ недуговъ и возстановленія нормальнаго душевнаго состоянія; другіе въ общеніи съ Господомъ, отягченные грѣхами, какъ бы вступали въ новую нравственную атмосферу, ощущали въ себѣ притокъ свѣжихъ нравственныхъ силъ, сбрасывали съ себя ветхаго человѣка и облекались въ новаго, умирали для прежней жизни и возрождались для новой. Достаточно вспомнить здѣсь только Марію Магдалину, мытыря Закхея, разбойника на крестѣ. Даже люди, случайно встрѣчавшіеся съ Христомъ и, быть можетъ, никогда не останавливавшіеся на вопросѣ о различіи нравственно-добраго и злаго, подъ могучимъ вліяніемъ личности Христа вдругъ получали сознаніе яснаго созерцанія предъ собой идеала праведни-

) Лук. 2. 34.

ка въ его живомъ и полномъ воплощеніи въ лицѣ Христа. Такъ Пилать, этотъ вообще говоря, по свидѣтельству исторіи, грубый и жестокий человѣкъ, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ чистоты Христа вынужденъ былъ къ торжественному выраженію своей непричастности къ осужденію невиннаго: *взялъ воды, и умылъ руки предъ народомъ, и сказалъ: невиновенъ я въ крови праведника сего* *); его супруга, безъ сомнѣнія, мало интересовавшаяся судьбой какого-то Іудейскаго учителя, однако до такой степени была потрясена трагической драмой суда надъ невиннымъ, что сочла долгомъ предостеречь мужа отъ осужденія безупречнаго праведника, ссылаясь на свой тревожный сонъ въ прошлую ночь: *не дѣлай ничего праведнику тому, я нынѣ во снѣ много пострадала за него* **). Наконецъ начальникъ римской стражи, человѣкъ съ отвердѣвшими нервами отъ постоянного зрѣлища распятыхъ, и, повидимому, не усматривавшій въ Христѣ ничего, кромѣ позорно—казнимаго преступника, оставленнаго и Богомъ, и людьми, обезсиленнаго, умирающаго, однако такъ былъ пораженъ явно сквозившей изъ подъ внѣшняго позора внутренней святостію Распятаго, что невольно воскликнулъ: *истинно человекъ этотъ былъ праведникъ!*—Но самыми рѣшительными свидѣтелями о Христѣ стоятъ предъ нами книжники и фарисеи съ одной стороны и Его ученики съ другой: первые—свидѣтелями невольными и безсознательными, вторые—вольными и сознательными, одни своей ненавистью къ Христу, другіе своей преданностію Ему. Французская пословица говорить: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакоми, и я скажу, кто ты таковъ“; но не менѣе справедливо сказать и на оборотъ: скажи мнѣ, кто твой врагъ, и я

*) Мѣ. 27, 24.

**) П. ст. 19.

БИБЛИОТЕКА
 № 01827

БИБЛИОТЕКА
 Одес. Дух. Семинарии
 КИВ. / 5 / 14

скажу, кто ты таковъ. У всякаго, болѣе или менѣе выдающагося челоука, непремѣнно имѣются враги; у Христа, въ теченіе всей Его общественной дѣятельности, было столько враговъ, какъ едва-ли у кого другаго, и эти враги дышали къ Нему самой непримиримой злобой, искавшей себѣ успокоенія только въ смерти Христа. Но кто такое были сами по себѣ эти злобные враги Христа? Люди, съ устъ которыхъ не сходили безчисленные правила религіознаго закона, очи которыхъ не замыкались отъ взора на небо, но въ сущности—рѣшительные беззаконники и безбожники. Сердце ихъ развращено было до послѣдняго основанія: эгоизмъ проникалъ все существо ихъ духа, проходилъ во все составы ихъ тѣла, пропитывалъ самый мозгъ ихъ костей. Строго говоря, для нихъ небыло ничего святаго. Они пользовались религіей, ея законами и обрядами, какъ ширмой, какъ личиною для прикрытія своего внутренняго кумира, своего я, которому одному поклонялись, и котораго одного обоготворяли. Они дорожили религіей, какъ орудіемъ своей власти надъ народомъ, какъ средствомъ корыстной наживы, личнаго благосостоянія, славы, чести, какъ подмостками для своего честолюбія, гордости, чванства, напыщенности; и такъ какъ въ этихъ видахъ религія могла приносить имъ пользу не своимъ духомъ, но буквою, разрозненной, отрывочной, всевозможно искаженной и перетолкованной, то они были строжайшими исполнителями буквы закона. Но чѣмъ благочестивѣе казались они на видъ, тѣмъ нечестивѣе были по сердцу, по душѣ. Безсмертную характеристику этихъ людей оставилъ намъ самъ Господь въ своихъ сильныхъ, вызывавшихъ въ обличаемыхъ одно безсильное ожесточеніе, одинъ глухой скрежетъ зубовъ, обличительныхъ рѣчахъ противъ нихъ. Эти люди творили

милостыню, трубя объ ней во все стороны, чтобы другіе прославляли ихъ; молились на перекресткахъ улицъ, чтобы толпа видѣла ихъ молящимися; во время поста принимали на себя унылый и мрачный видъ, чтобы все замѣтили ихъ постнической подвижъ; они давали десятину съ мяты, аниса и тмина, но поѣдали дома вдовъ и попирали судъ, милость и вѣру; они заботились о внѣшней чистотѣ чашъ и блюдовъ, но не обращали вниманія, что внутренность чашъ полна хищенія и неправды: оцѣживали комара (выразительный образъ!), а поглощали верблюда. Лицеуры и ханжи, они были чистымъ подобіемъ гробовъ, снаружи украшенныхъ, а внутри полныхъ костей и всякой нечистоты; по наружности казались праведными, а внутри исполнены были беззаконія; строили гробницы пророкамъ и украшали памятники праведниковъ, а между тѣмъ готовы были распять самого Бога за слово истины и правды. Это были истинныя порожденія сатаны, дѣти діавола, отпалжи и сами воплощенная ложь, олицетвореніе зла: они дерзнули даже проявленіе вѣчнаго божественнаго Духа (въ Христѣ) признать всенародно силой веельзевула, князя бѣсовскаго. Паденіе челоука далѣе невозможно, извращеніе челоуческаго духа болѣе невымыслимо: здѣсь все богоподобное въ челоукѣ умерло. Таковы были враги Христа. Каковъ же долженъ быть быть Христось, предметъ ихъ вражды? Заключение очевидно: тѣмъ хуже фарисеи и книжники, тѣмъ выше и совершеннѣе Христось. По слову апостола, не можетъ быть никакого общенія между тьмой и свѣтомъ; если книжники и фарисеи несомнѣнно и несоспоримо—мракъ и тьма, то Христось также вѣрно—свѣтъ; если тѣ—олицетвореніе зла, то этотъ—живой идеаль добра. Такъ, пусть не словомъ, такъ дѣломъ, пусть не любовію, такъ ненавистію,—во всякомъ

случаѣ книжники и фарисеи оставили намъ наилучшее свидѣтельство о высотѣ и совершенствѣ духа Христова.

Что позволяютъ намъ съ безошибочною предпола- гать о Христѣ Его враги, о томъ прямо и рѣшительно въ святой простотѣ сердца говорятъ намъ Его ученики. Они называютъ Его праведнымъ и святымъ не въ пре- имущественномъ только смыслѣ, но въ единственномъ, исключительномъ; *) чистымъ, непорочнымъ агнецемъ, **) первообразомъ нашей жизни, единымъ истиннымъ перво- священникомъ, принесшимъ жертву не за свои грѣхи, но за грѣхи міра, и притомъ разъ навсегда достаточную; ***) видимымъ сіяніемъ славы и образомъ ипостаси, Отца, живущаго въ свѣтѣ непреступномъ; ****) не только истори- ческимъ виновникомъ искупленія, но и доисторическимъ посредникомъ творенія, центромъ всеобъемлющаго, вѣч- наго міроваго плана. *****)—Простыя сердца, необразо- ванные умы, незнакомые ни съ какими спекулятивными работами дохристіанской мысли, единственно подъ дѣй- ствіемъ духа Христова и при озареніи свыше, до какихъ недостижимыхъ высотъ поднимаются въ рѣчи о Христѣ! Мы привыкли думать, что свидѣтельства о Господѣ Его учениковъ естественны и понятны: они—Его ученики, Его апостолы, поставившіе себѣ специальной задачей пронести проповѣдь о Христѣ по всему міру. Это такъ. Но прежде чѣмъ стать учениками Христа, они были іудеи, подобные своимъ собратьямъ; прежде чѣмъ послѣдовать за Христомъ, оставить дома, семью, хозяйственныя за- нятія и отдать всю свою жизнь Христу, они должны

*) Д. Ап. 3, 14; 7, 52; 22, 14; 1 Петр. 3, 18; 1 Иоанн. 2, 1; Евр. 4, 15.

**) 1 Петр. 1, 19.

***) Евр. 7, 26 и д.

****) Иоан. 1, 3.

*****) Евр. 1 гл.

были пріобрѣсть непоколебимую вѣру въ Него, именно какъ въ Христа, Сына Божія, Бога. А это было не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Сила религиозно—нравственныхъ традицій, какъ извѣстно, укре- няется весьма глубоко въ особенности въ простыхъ слояхъ народа, и это мы находимъ въ особенности въ Іудеѣ, гдѣ рели- гіозно-нравственныя преданія смѣшивались до нераз- дѣльности съ національно-политическими мечтами и гдѣ они выработались въ многосложную систему, со всѣхъ сторонъ опутавшую жизнь человѣка, до мельчайшихъ его дѣйствій и покоившуюся, хотя и неправильно, на богооткровенныхъ книгахъ. Соблазну, который находи- ли въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ Христа строгіе ревнители отеческаго закона—фарисеи, безъ сомнѣнія, не могли быть совершенно чужды и ученики Христа, воспитанные въ народной вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ. Но чѣмъ болѣе мы взвѣшиваемъ это, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся въ исти- нѣ апостольскихъ свидѣтельствъ о Христѣ. Если живое лице Христа успѣло побѣдить въ нихъ всякій соблазнъ относительно Его дѣйствій и рѣчей, если они силой ду- ха Христова вынуждены были не судить о Немъ по своимъ унаслѣдованнымъ религиозно-нравственнымъ поня- тіямъ, а напротивъ, по образу этого духа измѣнить и переработать свои затвердѣвшія отъ воспитанія понятія; если, такимъ образомъ, апостолы составили себѣ безгра- нично-высокое возрѣніе на лице Христа въ рѣшитель- ное противорѣчіе господствовавшему іудейству, то несомнѣнно, что Христосъ былъ такимъ, какимъ нахо- димъ Его въ апостольскихъ свидѣтельствахъ.

Не смѣлой рукой поднимаемъ теперь завѣсу святаго святыхъ и благоговѣйнымъ взоромъ осматриваемъ преже- де всего общій видъ пречистаго духовнаго лика Христова.

На всякаго, внимательно изучающаго евангельскій образъ Христа, этотъ образъ производитъ впечатлѣніе необычайнаго величія. Въ этомъ общемъ впечатлѣніи сходятся люди самыхъ противоположныхъ религіозныхъ воззрѣній. Такъ Ренанъ, извѣстный французскій романистъ, авторъ „Жизни Иисуса“, называетъ Христа „благороднѣйшей личностію, какую только знаетъ исторія“, и прибавляетъ, что „каковы бы ни были судьбы неизвѣстнаго будущаго, но Иисусъ не будетъ превзойденъ.“ Дж. Ст. Милль въ своемъ опытѣ „Исслѣдованія религіи“ признается, что онъ „пораженъ личностію Христа, единичной во всей исторіи міра“. Но слѣдуетъ ближе всмотрѣться въ сущность величія Христова, чтобы понять всю его безпримѣрную высоту. Величіе Христа всецѣло иного рода, дохристіанскому міру совершенно неизвѣстнаго; оно вообще существенно отлично отъ всякаго и обыкновеннаго величія людей. Въ языческомъ мірѣ,—какъ это видимъ и въ христіанскомъ мірѣ, въ гражданской исторіи,—великимъ считался тотъ, кто или необычайными дѣлами въ сферѣ практической жизни, или блестящими трудами въ области науки или искусства ревниво стремился стать впереди другихъ, быть первымъ въ ряду своихъ современниковъ, и его величіе состояло въ томъ, что въ немъ въ какомъ либо опредѣленномъ видѣ съ особенной силой и выразительностію воплощался геній своего народа, или, такъ сказать, прогрессивный моментъ своего времени. На почвѣ ветхаго завѣта это понятіе величія измѣняется: оно не состоитъ уже болѣе въ проявленіи человѣческой силы духа, утверждающей на самой себѣ, но въ обнаруженіи силы божественной, непосредственно дѣйствующей чрезъ человѣка; но и здѣсь величіе заявляетъ себя въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя выходя изъ мѣры обыкновенныхъ, выступаютъ среди

людей по преимуществу какъ нѣчто внѣшне-поражающее, властвующее и подавляющее (Моисей, Илія), и притомъ и здѣсь оно движется внутри строго опредѣленныхъ границъ національности. Не таково величіе Господа: оно неподобно, оригинально и вѣчно первообразно. Здѣсь то именно всякая гордость человѣческая невольно смиряется; наши колѣна сами собою преклоняются и мы падаемъ ницъ предъ лицомъ Христа.

Жизненный путь нашего Господа идетъ не вверхъ, но внизъ: догматически Онъ безконечно великъ по природѣ, но исторически, какъ Богочеловѣкъ, Онъ раскрываетъ и проявляетъ Свое величіе не возвышаясь видимо, но унижаясь, даже ниспускаясь до послѣдней степени униженія. Его высота скрывается въ образѣ раба и состоитъ не въ пріобрѣтеніи себѣ служенія отъ другихъ, но въ собственномъ служеніи другимъ. Христосъ единственно стремится къ тому, чтобы помогать бѣднымъ, несчастнымъ, низкимъ, успокоивать труждающихся и обремененныхъ, врачевать больныхъ, исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятно. Здѣсь мы видимъ не величіе, непосредственно бросающееся въ глаза и производящее ослѣпительное внѣшнее впечатлѣніе, но прежде всего величіе внутреннаго бытія, величіе духа самого въ себѣ; отъ того это величіе не шумное и поражающее, но тихое и успокоивающее, радующее и умиляющее. Но это только общій видъ величія Христова.

Въ чемъ состоитъ самая сущность его, что составляетъ его содержаніе? Здѣсь мы должны раздѣлнѣе разсмотрѣть обнаруженіе величія Господа, какъ непосредственно въ Его собственномъ духѣ, такъ и въ Его дѣ-

ятельности по отношенію къ міру, въ Его миссіи по отношенію къ человѣчеству.

Въ собственномъ духѣ Христа. — Это не величіе героя или государственнаго мужа, мыслителя или художника, не величіе наивысшаго обнаруженія съ какой либо стороны духа іудейскаго народа или даже духа человѣчества въ какой—либо изъ опредѣленныхъ областей его проявленій; нѣтъ, но величіе абсолютнаго воплощенія общечеловѣческаго, того, что составляетъ существенную задачу и призваніе всѣхъ людей безразлично, осуществленія истиннаго сына человѣческаго, идеальнаго человека въ реальномъ человѣкѣ, всечеловѣка въ индивидуумѣ.

Не принимая на себя никакого отдѣльнаго призванія, Христосъ выполнилъ призваніе всѣхъ призваній. Онъ положилъ своей жизнію основу для осуществленія всѣхъ отдѣльныхъ призваній. Онъ открылъ въ своемъ лицѣ предначертанный въ вѣчномъ міровомъ планѣ и всегда искомый человѣческой исторіей пунктъ безраздѣльнаго соединенія Бога съ человѣкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ Себѣ далъ точку опоры для всего послѣдующаго процесса воспріятія и усвоенія Божественнаго человѣческимъ, процесса, имѣющаго продолжаться до конца вѣковъ, пока не будетъ, по слову апостола, *Богъ все во всемъ* (1 Кор. 15, 28). Такъ величіе духа Христа не имѣетъ для себя никакой мѣры, оно просто безгранично, бесконечно. — Посмотрите теперь на величіе Его дѣла въ мірѣ. Его миссіи въ средѣ человѣчества. Много не обычныхъ плановъ начертывалось и проводилось въ мірѣ великими людьми. Отъ времени до времени Богъ надѣлялъ человѣчество замѣчательнѣйшими героями дѣла и мысли—царями, законодателями, патріотами, мудрецами и моралистами. Но никто ни одинъ изъ нихъ даже только

въ мысли не имѣлъ того великаго дѣла, какое предназначилъ Себѣ и осуществилъ Господь. Освободить человѣчество отъ мрака заблужденій и искупить изъ рабства грѣху; соединить его подъ Своей главой въ одно всемірное духовное царство, царство свѣта и свободы. — можно ли помыслить себѣ болѣе величественное дѣло, которое даже величайшимъ умамъ не входило въ голову, не говоря уже о томъ, чтобы когда-либо и гдѣ-либо были какія нибудь попытки къ его осуществленію. Это истинное „дѣло дѣлъ“, единственное дѣло! И Христосъ выполняетъ его. Какъ? Здѣсь, высокоуваж. слуш., мы подходимъ къ явленію, поражающему и потрясающему, но опять не высотой, а глубиной, не самовозвышеніемъ Христа надъ человѣчествомъ, но самоуниженіемъ Его предъ человѣчествомъ, такъ сказать, снисхожденіемъ Его подъ самый исподъ человѣчества и поднятіемъ послѣдняго на своихъ раменахъ. Дѣло Христа исключительно духовно-нравственнаго характера и Онъ не только знаетъ, что никакая внѣшняя сила не можетъ быть рѣшительницей Его задачи, но и никогда и не полагается на нее. Онъ не думаетъ стать прежде всего гражданскимъ реформаторомъ или приобрѣсть себѣ мірское царство. Нѣтъ; говоря по-человѣчески, Онъ не обольщаетъ Себя даже надеждой на какое либо моментальное религіозно-нравственное измѣненіе людей силой Своего ученія или примѣромъ Своей жизни. Сердце человѣка слишкомъ хорошо извѣстно Господу, чтобы даже только на минуту Онъ могъ поддаться несбыточной надеждѣ—одной силой Своего ученія или впечатлѣніемъ своихъ дѣлъ произвести всеобщую религіозно-нравственную реформу, перерожденіе душъ и сердецъ, что составляло возжелѣнную цѣль Его дѣятельности. Силѣ или власти можетъ противостоять человѣческое упорство или преклониться предъ ней только

внѣшне и невольно; ученію божественной мудрости человекъ можетъ противоположить свою собственную мудрость и оградиться ей, какъ щитомъ, отъ всякихъ вліяній извнѣ; образцовый непорочный образъ жизни, поставленный предъ людьми, могъ не сокрушить самооправданія человекъ; грозныя, карающія слова, могли отчужденное отъ Бога сердце еще болѣе ожесточить. Все это знаетъ Господь и ни однимъ изъ этихъ средствъ въ качествѣ главнаго не думаетъ произвести рѣшительный переворотъ въ закоснѣвшихъ сердцахъ людей. Чѣмъ же Онъ хочетъ достигнуть своей цѣли? Жертвой за человечество, страданіями и смертію. Какъ, повидимому, противорѣчитъ это средство исполненію предпринятой Христомъ величайшей миссіи! Онъ исполненъ царскаго духа, хочетъ быть владыкой духовъ—и какимъ путемъ? Путемъ всецѣлаго самопожертвованія за отвергнвй Его міръ. Онъ хочетъ приобрѣсть побѣду надъ всѣми врагами, видимыми и невидимыми, достигнуть всемірнаго господства—и какъ? Подвергаясь позору и смерти преступника, добровольно отдаваясь въ руки своихъ враговъ; *хочетъ создать жизнь на Своей смерти!* Не ясно-ли, что даже только мысль подобнаго рода могла произойти изъ чрезвычайнаго божественнаго откровенія, какъ это и видимъ въ ветхомъ завѣтѣ—въ пророчествѣ о Рабѣ Божіемъ. И что же однако? Это, противорѣчащее всякому человеческому расчету, средство выполненія миссіи Христа, эта кажущаяся парадоксія дѣла Христова, открывается въ исторіи человечества истинно-божественною мудростію; является побѣдоносной силой, разрѣшающей всѣ диссонансы міра въ чудную гармонию, соединяющей всѣ разрозненныя стремленія человечества въ дивное единство царства Божія. Съ того времени, какъ возжена въ мірѣ жертва Христова, она донинѣ горитъ неугасимымъ

пламенемъ; все враждебное ей она беретъ себѣ въ пищу, поглощаетъ собой и отъ того горитъ свѣтлѣе и ярче, она какъ бы расплавила окаменѣлое сердце человекъ; пробудила въ немъ голосъ совѣсти, сознание вины и стыда, чувство раскаянія и теперь все глубже и шире движетъ міромъ, высвобождаетъ его изъ разрозненности, вражды и борьбы и далѣе и болѣе приводитъ его къ общему, всеобъединяющему божественному центру. Да, это—дѣло изъ дѣлъ, міровое дѣло, которому нѣтъ предѣла!

II. Чтеніє.

Богочеловѣческій образъ Іисуса Христа.

Преосвященн. Владыко и Высокоуважаемые слушатели!

Прошлоє чтеніє мы закончили раскрытіємъ самаго общаго впечатлѣнія, какое само собой выноситея людьми всевозможныхъ міровоззрѣній изъ созерцанія духовнаго образа Христова въ его цѣломъ видѣ. впечатлѣнія необычайнаго величія. Теперь подойдемъ ближе къ чистѣйшему лику Христа и яснѣе разсмотримъ Его отдѣльныя черты.

Что вызываетъ къ себѣ особенное вниманіє въ духѣ Господа, это—отсутствіє въ немъ какихъ либо односторонностей, преобладающаго развитія одной какойлибо силы на счетъ другой и напротивъ полное равновѣсіє между ними во всей полнотѣ ихъ жизненнаго развитія, чудная гармонія. Одинъ изъ германскихъ апологетовъ-публицистовъ говоритъ: „У всѣхъ людей неизбѣжна и неустранима въ большей или меньшей степени дисгармонія въ ихъ внутренней жизни. Голова и сердце, знаніє и чувство, мысль и воля, у кого находятся въ безусловномъ согласіи? Дѣйствительно, самыя лучшія натуры въ мірѣ человѣческомъ всегда развиваются въ какомъ-либо одномъ преобладающемъ направленіи

духа или даже всецѣло единственномъ, исключительномъ. Преимущественное развитіє одной определенной силы, само собой производится на стѣсненіи или даже совершенномъ подавленіи нормальнаго развитія другихъ силъ.

Отсюда никто и никогда изъ людей не представлялъ въ своей личности абсолютно-правильнаго, гармоническаго развитія духовныхъ силъ. Такъ не знаемъ ли мы множества людей съ высокоразвитой силой фантазіи—художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ; но намъ также извѣстно, что богато одареннымъ натурамъ этихъ лицъ чаще и больше всего недостаетъ надлежащей силы характера, нравственнаго самообладанія, словомъ, желательнаго нравственнаго развитія. Иныя лица изумляютъ насъ желѣзной силой воли, необычайно твердымъ характеромъ; но за то отъ такихъ людей вѣетъ холодомъ, рѣдко можно ожидать отъ нихъ сердечной нѣжности, мягкости чувства; вообще говоря, имъ свойственна жесткость и черствость сердца, деспотическая властность надъ другими. Если нѣкоторые изъ нихъ при случаѣ искусно прикрываются личиною изысканной вѣжливости, предупредительности къ другимъ и даже, пожалуй, легкой снисходительности къ слабостямъ другихъ, то лишь для того, что бы вѣрнѣе сдѣлать ихъ своей добычей, жертвой своихъ личныхъ цѣлей; они любезны и добры, но также и грубы и самолюбивы; великодушны, но и мстительны и жестоки; вѣжливы, но и высокомерны до презрѣнія къ человѣчеству. У человѣка съ замѣтнымъ перевѣсомъ чувства надъ прочими силами духа мы замѣчаемъ необычайную чуткость и воспримчивость ко всему прекрасному, возвышенному и доброму, но тутъ же—и безхарактерность, нерѣшительность, уступчивость, раздражительность, вѣчное недовольство и т. д. О лю-

дяхъ съ преобладающимъ развитіемъ умственной силы — философахъ и ученыхъ кто не слыхалъ анекдотовъ, въ которыхъ на видномъ мѣстѣ выступаютъ ихъ странности — разсѣянность, забывчивость, непрактичность и т. п. Но если бы мы захотѣли только исчислить разнообразныя односторонности и неровности въ развитіи духовныхъ силъ даже самыхъ лучшихъ людей, то никогда бы не пришли къ концу. Не подходитъ подъ этотъ чисто человѣческій типъ лишь Христосъ и только Онъ одинъ.

Обратимъ-ли мы свой взоръ на силу Его разума, мы должны признать, что Его духъ — весь сила разума, сила мысли; но если перейдемъ къ разсмотрѣнію Его сердца или чувства, то опять скажемъ, что Онъ весь чувство; если же наконецъ остановимся на силѣ Его воли, то найдемъ что Онъ весь характеръ, всеопредѣляющая воля. Такъ мы никогда не сумѣемъ рѣшить вопроса, что преобладаетъ въ Немъ: ничто не преобладаетъ и все преобладаетъ. — Мало того, если гдѣ, то именно въ чудномъ лицѣ Господа, мы находимъ выразительнѣйшее подтвержденіе одного изъ коренныхъ психологическихъ положеній: „силы души нужно различать, но не раздѣлять“. Мысль Христа всегда находится, такъ сказать, въ живомъ переходѣ въ Его волю и чувство, Его воля въ мысль и чувство, Его чувство въ мысль и волю. Но и сами въ себѣ, каждая изъ основныхъ силъ Его духа, не показываютъ никакого односторонняго развитія или направленія. Такъ если мы сосредоточимъ свое вниманіе на познавательной силѣ Его духа со всеми ея развѣтвленіями, то не можемъ признавать Его по преимуществу или богатымъ воображеніемъ, или остроумнымъ или глубокомысленнымъ и т. д., но тѣмъ и другимъ и третьимъ въ равной степени; посмотримъ-ли на Его волю, на силу харак-

тера, — это воплощенное мужество, но отнюдь не противоположенное женственности, насколько подъ послѣдней понимаютъ мягкость, тихость, нѣжность характера. Наконецъ и въ состояніи сердца Христа мы находимъ живое измѣненіе настроеній, полное всесторонняго разнообразія: и самую тонкую впечатлительность, и неподвижное хладнокровіе, и мучительную тоску, и свѣтло-радостное возвышеніе сердца, словомъ, всецѣло естественное и здоровое измѣненіе движеній сердца. Вотъ почему, никогда и никому не удалось высказать даже тѣни правды, если только кто задавался несчастной попыткой (а это было, на прим. съ нѣкоторымъ Винклеромъ) опредѣлить психо-физической темпераментъ Господа Иисуса Христа. —

Но теперь мы чувствуемъ и сознаемъ, что вызвали въ своихъ слушателяхъ настойчивый запросъ на подтвержденіе всего сказаннаго объ истинно-чудной и безпримѣрной гармоничности силъ въ духѣ Христа фактами, историческими данными самого евангельскаго образа Христова. Со страхомъ за свою немощь, но и съ удовольствіемъ идемъ на встрѣчу этому законному требованію съ евангелиемъ въ рукахъ и съ помощію Божіей надѣемся дать ему удовлетвореніе.

Въ порядкѣ психологическаго отличія между отдѣльными силами духа, остановимся прежде всего на разсмотрѣніи силы разума Господа. Проявленіе этой силы мы находимъ въ ученіи Христа, или, какъ говорятъ богословы, въ Его пророческомъ служеніи. Уже только съ внѣшней, формальной стороны сколько отсутствіе всякой подготовки и затруднительности, искусственности и возбужденности, столько же и рѣшительная безпозражательность (оригинальность) и вѣчная образцовость (прототипичность) поражаютъ насъ въ религіозномъ уче-

нии Господа. Христосъ проповѣдуетъ, не влагаясь въ ухищренное развитіе мыслей, не многоглагольствуя и не велемудрствуя. Онъ говоритъ просто, безъ всякаго искусства, безъ всякихъ заботъ и подготовки, съ твердою увѣренностію быть понятымъ чистыми сердцами. Когда человѣкъ обучаетъ другаго, онъ неизбѣжно показываетъ послѣднему слѣды собственныхъ усилій, при которыхъ ему самому досталось знаніе и ведетъ воспитаника къ цѣли путемъ умозаключеній, который самъ проходилъ въ извѣстное время. Но если онъ говоритъ по вдохновенію, то самъ же первый имъ возбуждается, увлекается, отдается ему всею своимъ существомъ, и его слово теряется въ образахъ, неспособныхъ выразить открытую истину. Совсѣмъ иное представляется намъ въ Иисусѣ Христѣ. Не видно слѣдовъ, откуда у Него знаніе: оно не представляется въ Немъ ни заимствованнымъ извнѣ, отъ людей, ни полученнымъ по вдохновенію, но естественнымъ плодомъ исключительно Его собственной мысли, вѣчной Его мыслию, безначально и неразлучно пребывающею въ Его духѣ. Отсюда, ничто не ослабляетъ и не возвышаетъ силы Его самоубѣжденности въ той истинѣ, которую проповѣдуетъ, ни противоборство ей враговъ, ни увлеченіе ею близкихъ. Вполнѣ обладая высочайшими тайнами, Онъ не волнуется ими подобно другимъ смертнымъ, кому открываетъ ихъ Богъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; говоритъ спокойно, безъ напряженія, такъ что кажется родившимся съ тайнами, которыя открываетъ. О самыхъ высшихъ предметахъ Онъ учитъ такъ просто, что какъ бы и не думалъ объ нихъ, и за всею тѣмъ такъ ясно, что вполнѣ очевидна Его подлинная мысль. Какъ царь или царственный наслѣдникъ, рожденный и воспитанный среди блеска и пышности говоритъ о нихъ безъ

всякой надменности, какъ предметъ для него слишкомъ обыкновенномъ и естественномъ, такъ и Господь говорить просто и спокойно о царствѣ небесномъ, о Богѣ Отцѣ Своемъ, объ ангелахъ, вѣчности, правосудіи, милосердіи, о жизни и смерти.... Даже тогда, когда онъ облакаетъ Свою новую и возвышенную мысль въ образы, они у Него такъ просты, такъ обыкновенны и естественны, что и самые предметы, ими изображаемые, не смотря на свою высоту, получаютъ видъ необычайной простоты, естественности и неотразимой дѣйствительности. „Царство небесное подобно зерну горчичному, которое взялъ человѣкъ и посѣялъ на полѣ своемъ“.... или: „кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяностодевяти въ пустынѣ и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея?“ или: „какая изъ женщинъ, имѣя десять драхмъ, если потеряетъ одну, не зажжетъ свѣчи и не станетъ мести комнату и искать тщательно, пока не найдетъ?....“ „Такъ бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся“. *) Какое божественное величіе въ этой простотѣ! Какъ глубоко отрадны эти идеи о благодати Бога, Его милосердіи къ немощи человѣка и какъ неподобно просто онѣ выражены!

Что касается ближе внутренней стороны ученія Христа, самаго содержанія его, то для показанія его безконечной высоты, мы должны были бы изложить всю систему ученія Христа и Его Апостоловъ, какъ продолжателей Его дѣла; но такъ какъ это не возможно, то ограничимся однимъ только общимъ сравненіемъ его съ дохристианскимъ язычествомъ и іудействомъ. До Христа для большей части человѣчества Богъ оставался

*) Мат. 13, 31; 19, 12; Лук. 15, 8 и дал.

всещло закрытымъ природой, ея силами и явленіями и даже для избраннаго народа, евреевъ, и въ немъ для органовъ и носителей божественнаго откровенія, Онъ находился сокрытымъ подъ нѣкоторой пеленой, подъ образами внѣшнихъ, чувственныхъ видѣній и явленій; отсюда въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ—раздѣленіе между Богомъ и человѣкомъ состояло не просто въ нравственно-грѣховномъ настроеніи послѣдняго, въ отчужденіи его отъ Бога сердцемъ, но и въ заблужденіи или не совершенствѣ знанія Бога, въ удаленіи отъ Бога разумомъ. Знаменитые мыслители языческаго міра правда мало по-малу достигали того, что образовывали извѣстное духовное понятіе о Божествѣ: но какъ оно было безсодержательно-пусто, какъ рѣдко возвышалось даже въ малѣйшей степени надъ пантеизмомъ! Внутри іудейства даже для самихъ Моисея и пророковъ мысль о всеобщей отеческой любви Бога всегда снова отступала на задній планъ предъ партикуляристическимъ пониманіемъ Бога, какъ израильскаго; и чувство радостной надежды на милосердіе Божіе всегда, такъ сказать, поглощалось чувствами тоски и страха предъ непосредственнымъ обращеніемъ съ божественнымъ Духомъ. Основанія этой ограниченности мысли и чувства ветхо-завѣтныхъ людей, конечно, лежали въ самомъ характерѣ ветхозавѣтнаго откровенія, какъ только приготовительной ступени къ великому дѣлу примиренія человѣка съ Богомъ. Но какъ внѣшне и партикуляристично понимали существо Бога фарисеи, какъ фаталистично мыслили Божество саддукеи и какое смутное и странное понятіе о Богѣ и мірѣ было у ессеевъ. Но вотъ является Христось,—и въ Его ученіи о Богѣ природа со всеми ея разнообразными проявленіями, великими и малыми, становится чистѣйшимъ зеркаломъ, отражающимъ существо Бога, разгоняется

всякій туманъ, затмѣвавшій для глазъ человѣка Бога, уничтожается всякое средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ. Богъ предстаётъ взору человѣка во всемъ блескѣ Своего существа подобно полуденному солнцу въ ясный лѣтній день. Устами Господа Творецъ міра какъ бы сводится съ неба на землю и становится непосредственно предъ человѣкомъ. Богъ есть чистѣйшій Духъ безъ всякой внѣшне-чувственной оболочки: въ своей чистой духовности Онъ безконечно возвышенъ надъ міромъ; но въ тоже время близокъ каждой душѣ человѣка, какъ Отецъ сыну *). Онъ источникъ всякаго блага и цѣлю своего откровенія въ мірѣ имѣетъ утвержденіе всеобщаго царства истины, праведности и любви.

Съ необычайной высотой религіознаго ученія соединяется въ Господѣ и широкое практическое направленіе духа. Съ неистощимой энергіей, съ неугасимой ревностію Христось отъ высоты ученія всегда, при каждомъ случаѣ, обращается къ религіозно-нравственной практикѣ и такимъ образомъ является совершеннѣйшимъ нравственно-практическимъ дѣятелемъ. Ничто такъ не чуждо Христу, какъ сухое, отвлеченное знаніе, лишенное жизненнаго значенія и пракческаго примѣненія. Какъ истинный печальникъ о родѣ человѣческомъ, о его нуждахъ духовныхъ и тѣлесныхъ, Онъ неутомимо переходитъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе, всюду принося помощь, отраду, утѣшеніе, и даже въ то время, когда мысль о предстоящемъ исходѣ Его жизни острымъ ножомъ рѣжетъ Его сердце, Онъ не оставляетъ своего обычнаго милосердія и благодѣянія страждущему человѣчеству.

*) Мѣ. 7. 11.

Но рассмотрим внимательно нравственную сторону духа Христова. Сила воли Господа обнаруживается: а) въ вѣчномъ спокойствіи Его духа, въ невозмутимой ясности сознанія или пониманія своихъ дѣйствій и ихъ цѣлей; б) въ полномъ господствѣ духа надъ плотію; в) въ совершенной безгрѣшности и, наконецъ, г) въ безусловномъ воплощеніи въ своей личной жизни своего безподобнаго нравственнаго ученія.

Неизмѣнное спокойствіе духа и ясность сознанія Христа. — Какъ Или, по слову библи, не въ большомъ и сильномъ вѣтрѣ, раздирающемъ горы и сокрушающемъ скалы, не въ потрясающемъ землетрясеніи и не въ разъядающемъ огнѣ, но въ вѣяніи тихаго вѣтра открылась близость Господа, такъ предстаетъ она и въ Христѣ. Его слово, среди мрака человѣческихъ заблужденій, подобно молніи, прорывающей темныя тучи. Его дѣло проникнуто пламенною сердечностію; но то и другое чужды бурнаго порыва и страстной стремительности. Все, что ни начинаетъ Онъ, дѣлаетъ съ полной сознательностію, съ вѣрною предусмотрительностію и всегда достигаетъ своихъ намѣреній. Даже тамъ, гдѣ мы видимъ Господа въ силѣ наказующей и ревнующей строгости, не личная раздражительность движетъ Его духомъ, но святой гнѣвъ любви, возмущенной беззаконіемъ и однако забывавшей въ грѣшникѣ человѣка способнаго къ искупленію. Въ самыя тяжкія минуты искушеній—и тутъ Господь сохраняетъ и обнаруживаетъ одинаково ясное сознаніе и совершенное самообладаніе. Такъ Онъ носилъ въ Себѣ полный миръ и потому могъ справедливо сказать своимъ ученикамъ: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* *). Эта полнота мира въ существѣ Господа вытекала не

*) Иоан. 14, 27.

изъ того, что въ Немъ различныя дѣятельныя силы страдали низкой мѣрой развитія: нѣтъ, напротивъ, въ Немъ была жизнь, бившая кипучимъ ключемъ, полная силы, подвижности, глубины, но сводившая все разнообразныя стремленія духа въ единство и согласіе; отсюда съ полнымъ правомъ принадлежать Господу названія и льва изъ рода Іуды и агнца, подъемлющаго на Себѣ грѣхъ міра.

Безусловное господство духа Христова надъ плотію. — Никто изъ людей, рѣшительно никто, не былъ столь самодержавнымъ властелиномъ надъ своей плотію, какъ именно Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Духъ Христа обиталъ въ плоти, но не жилъ плотію: Онъ пользовался плотію какъ послушнымъ орудіемъ въ дѣлѣ исполненія своей чрезвычайной миссіи въ мірѣ. Правда, Господь далеко былъ отъ всякаго насилія надъ Своею плотію; Онъ удовлетворялъ ея чистымъ и законнымъ требованіямъ: ѣлъ и пилъ, спалъ и одѣвался; но никогда не жилъ чувствами и влеченіями тѣла, противными высшимъ стремленіямъ духа. Духъ Христа жилъ единственно и исключительно своей собственной внутреннею жизнью, абсолютно реализировалъ въ себѣ духовную жизнь, открылъ себя какъ истинный и совершеннѣйшій духъ, какимъ долженъ быть вообще духъ въ человѣческой плоти и какого не находимъ мы ни въ одномъ смертномъ. Это всецѣлое господство духа Христова надъ плотію съ особой яркостію и наглядностію выступаетъ предъ нами въ послѣднихъ событіяхъ земной жизни нашего Господа, исполненныхъ глубочайшаго трагизма. Здѣсь искушенія, выходящія изъ законнаго самосохраненія жизни, предстоятъ предъ Господомъ во всеужасающей картинѣ страданій духа и тѣла отъ предстоящихъ проявленій жестокости и звѣрства Его враговъ. Господь ви-

дить Себя отверженнымъ народомъ, видитъ надъ собой хотя на мигъ торжество царства тьмы. Не должны ли были даже въ Его возвышеннѣйшей и благороднѣйшей душѣ возставать чувства, легко склонявшія къ мысли, что родъ человѣческой недостойнѣи Ею жертвы, что безцѣнный перлъ не слѣдуетъ бросать въ ноги свиней? Когда чувство Господа не такъ еще непосредственно соприкасалось съ предстоящими страданіями, когда съ высоты Своего призванія Онъ спокойно и ясно созерцалъ за мракомъ Своей смерти свѣтлую зарю новой жизни человечества, новаго царства Божія на землѣ; когда смерть предносилась Ему неизбѣжнымъ условіемъ произрастения на землѣ небснаго зерна въ величественное плодородное дерево:—тогда, повинувшись Своему внутреннему влеченію и глоссу Своего Отца, Онъ могъ безстрашно и добровольно совершить Свой послѣдній входъ въ Иерусалимъ. Но теперь близится страшный часъ! И что же? Подъ невыносимымъ гнетомъ волнующихся чувствъ и мыслей, три раза падаетъ Онъ предъ Отцемъ въ горячей молитвѣ; три раза взываетъ: *Отче мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія.* *) Но какъ только невольно прорывался изъ Его устъ этотъ скорбный вопль — доказательство истинно —человѣческой природы въ Христѣ,— въ Его духѣ тутъ же получала господство мысль; „однако не какъ Я хочу, но какъ Ты“, и съ полнымъ послушаніемъ велѣнію Отца, со всею непреклонностію собственной воли и въ тоже время съ широчайшей восприимчивостію сердца къ наступающимъ событіямъ глубже и глубже погружается Онъ въ море страданій, гдѣ одна волна бьетъ яростнѣе другой: невѣрность и неблаго-

*) Мте. 26, 39.

дарность народа, предательское цѣлованіе Иуды, колебаніе гранитной вѣры Петра, разсѣяніе прочихъ учениковъ, злоба и издѣвательства фарисеевъ и священниковъ, грубость солдатъ и т. д. И посмотрите, дорогіе слушатели, нѣтъ и капли горечи въ сердцѣ Христа къ Своимъ мучителямъ: одно благородное, величественное безмолвіе; и если оно перерывается, то—одно проявленіе чуднаго духа мира и всепрощающей любви къ людямъ. Вотъ молитва за нихъ предъ Отцемъ: *Отче! прости ихъ, ибо не вѣдаютъ, что дѣлаютъ*; вотъ и полная самопреданность Сына въ руки Отца: *Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой.* Такъ вполне справедливо говоритъ одинъ церковный историкъ: „страданія и смерть Христа запѣчатлѣны такимъ удивительнымъ величіемъ и такой возвышенностію, что превосмогаютъ всякое чувство сожалѣнія и оставляютъ мѣсто только благоговѣйному поклоненію“ — и еще выразительнѣе сказалъ Руссо: „если Сократъ жилъ и умеръ какъ философъ, то Христосъ и жилъ и умеръ, какъ Богъ“.

Абсолютная безгрѣшность Христа.—Всѣмъ извѣстно изъ евангелій, съ какою ревностію возставалъ Христосъ противъ всякаго грѣха, съ какой остротой взора усматривалъ его въ темныхъ глубинахъ человѣческаго сердца, выводилъ его на свѣтъ и изобличалъ и бичевалъ со всей строгостію чистѣйшаго духа. Вся жизнь Господа была ничѣмъ инымъ, какъ борьбой съ грѣхомъ и ничья совѣсть не отличалась такой оцутительностію и противодѣйствующей отзывчивостію къ малѣйшимъ проявленіямъ грѣха въ другихъ людяхъ, какъ совѣсть Христа. Въ очахъ, во взорѣ, въ простомъ бесполезномъ словѣ онъ усматриваетъ грѣхъ; свое время называетъ лукавымъ, Своихъ учениковъ укоряетъ въ слабости, и въ краткую молитву, которой научаетъ учениковъ, вводитъ особый

слень о прощеніи грѣховъ. При безусловной строгости грѣху, Христось въ тоже время безгранично милосердъ и снисходителенъ ко всякому человѣку, смиренно сознающему свои грѣхи предъ Богомъ. Покаяніе или само-сознание грѣховности, въ глазахъ Христа. — основное начало нравственно—добрѣй жизни каждаго человѣка. И однако самъ Онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго намека на собственную грѣховность. Мужъ безпримѣрнаго смиренія, никогда однако не является смиреннымъ предъ Отцемъ *именно ради Своей вины* предъ Нимъ; никогда не молить Отца небеснаго о прощеніи Своихъ грѣховъ, ни въ Геосиманіи, ни даже на Голгоѣ, на крестѣ. Обыкновенно наиболѣе нравственно-развитыя личности, прежде всего и глубже всего сознають свои собственные нравственные недостатки и уже изъ этого личнаго сознанія черпають ясное и вѣрное пониманіе обще-человѣческихъ грѣховъ. Одинъ Христось не дѣлаетъ этого; ибо въ Немъ не находилось никакого основанія для сознанія грѣха. Въмѣсто сознанія грѣха, Христось, напротивъ, со всей рѣшительностію высказываетъ сознаніе безгрѣшности, какъ въ своей власти прощать грѣхи другихъ. не разъ подтвержденной дѣломъ—исцѣленіемъ болѣзней, такъ въ особенности въ торжественномъ, публичнопредложенномъ Имъ вопросѣ своимъ врагамъ: *кто изъ васъ обличитъ Меня въ грѣхъ* *)? При этомъ вопросѣ не чувствуете-ли вы тотчасъ же, что онъ исходитъ отъ лица, всецѣло исключительнаго въ ряду людей. Это чувство еще болѣе усиливается отъ мысли, что вопросъ предлагаетъ лице, вся жизнь котораго первообразъ смиренія: *Я кротокъ и смиренъ сердцемъ* **).

*) Иоанн. 8, 46.

**) Мѣ. 11, 29.

Полное воплощеніе въ жизни Господа преподаваемаго Имъ нравственнаго ученія. — Это положеніе является уже прямымъ и безспорнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго доселѣ о нравственныхъ свойствахъ духа Христа. Поэтому мы не будемъ приводить новыхъ и самостоятельныхъ доказательствъ въ его пользу изъ евангельской исторіи, а лишь констатируемъ его. Рационалисты всѣхъ партій и отгѣнковъ согласно признають, что если что, то именно систему нравственнаго ученія Христось преподавалъ самую чистую и возвышенную, оставившую за собой далеко всѣ нравственныя предписанія и правила лучшихъ и мудрѣйшихъ мужей древности. Это правда. Но прославленная даже врагами Христа система Его нравоученія была не чѣмъ инымъ, какъ только выраженіемъ собственной личной жизни Господа; она не прибавила ничего къ тому, что было живой дѣйствительностію въ нравственномъ духѣ Христа; такъ что слово Его было выраженіемъ Его жизни, а жизнь Его была воплощеніемъ Его слова. Христось проповѣдывалъ свою собственную жизнь и жилъ по своей собственной проповѣди. Въ данномъ случаѣ заслуживають нашего вниманія слова Ренана, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ особенномъ пристрастіи къ Христу: „въ морали, говорить онъ, какъ и въ искусствѣ, слова не значать ничего: тамъ и здѣсь даютъ имъ надлежащую цѣну сама дѣла. Идея, скрывающаяся въ картинѣ Рафаеля, составляетъ маловажную вещь; деньги платять за ея выполнение. Такъ и въ морали: истина здѣсь лишь тогда приобрѣтаетъ настоящее достоинство, когда реализуется какъ фактъ, какъ дѣло. Люди незавидной нравственности излагали на письмѣ отличныя нравственныя основоположенія и наоборотъ мужи великой добродѣтели часто

не сдѣлали ничего такого, что могло бы сохранить въ исторіи память объ ихъ добродѣтели. Пальма первенства здѣсь принадлежитъ тому, кто былъ силенъ и словомъ и дѣломъ, кто выразилъ истину и цѣной своей жизни привелъ ее къ торжеству. Съ этой точки зрѣнія Христосъ стоитъ одинокимъ, внѣ всякаго сравненія: Его слава остается полной и всегда будетъ возобновляться“. Да, дѣйствительно, прибавимъ отъ себя, нравственный образъ Христа сколько оригиналенъ, столько же вѣчно идеально первообразенъ. Онъ — чисто творческаго характера.

Остается намъ рассмотреть теперь чувство или сердце Христа. Сердце Господа, говоря языкомъ психологіи, полно разнообразныхъ аффектовъ радости и печали, удовольствія и горечи и въ опредѣленный моментъ времени въ немъ замѣтно, какъ именно въ истинномъ сердцѣ человѣческомъ, преобладаніе того или иного аффекта, но никогда исключительное господство его, какъ это всегда бываетъ въ ту или иную минуту жизни въ обыкновенномъ человѣкѣ. У Христа чувство радости никогда не заглушаетъ и не вытѣсняетъ сознанія, соединеннаго съ сердечною болью о позорномъ и тяжеломъ исходѣ жизни и въ чувствѣ горести не исчезаетъ безслѣдно свѣтлая радость отъ сознанія неразрывнаго единства съ своимъ Отцемъ и Своего прославленія по смерти. Когда народная толпа хотѣла провозгласить Его царемъ, Онъ указываетъ ей въ продолжительной рѣчи на свою смерть. Радость о первомъ исповѣданіи Петра тотчасъ же переходитъ у Господа въ мысль о скрывающемся до времени Его предателѣ. Первое, что Господь внушаетъ ученикамъ по своемъ славномъ преображеніи, это то, что Онъ долженъ пострадать и умереть. Честь помазанія Его ногъ напоминаетъ Ему Его погребеніе. — Наоборотъ,

горестное настроеніе сердца въ Господѣ всегда растворяется свѣтло-радостнымъ чувствомъ. Горе Хоразину, Виосайдѣ и Капернауму, выражающее не проклятіе, но истинное горе, печаль сердца Христова, переходитъ въ радостно благодарственную молитву за младенцевъ, которыхъ далъ Ему Отецъ вмѣсто мудрыхъ и разумныхъ. Въ то время, какъ помазаніе заставляеть Господа видѣть Себя уже умершимъ, Онъ съ увѣренностію говоритъ о продолженіи своего дѣла, а вмѣстѣ съ нимъ объ историческомъ безсмертіи помазавшей Его: *истинно говорю вамъ: идѣ ны будетъ проповѣдано евангеліе въ итьломъ міръ, скажется въ память ея и отомъ, что она сдѣлала.* *) Прибытіе эллиновъ въ Іерусалимъ съ цѣлію видѣть Христа вызвало въ Немъ живое представленіе своего отверженія Іудеями. Онъ чувствуетъ глубокое потрясеніе отъ безумія своего народа: но тутъ же говоритъ: *нынѣ судъ міру сему; и когда Я вознесенъ буду отъ земли, встѣхъ* (и язычниковъ и Іудеевъ) *привлеку къ Себѣ.* **)

Далѣе, предъ сердцемъ Господа преклоняеть насъ удивительное сочетаніе въ немъ неподкупной строгости къ грѣху и безграничнаго милосердія къ грѣшнику. Кто изъ людей, ревнуя о нравственномъ добрѣ, преслѣдуя преступленія противъ закона, хотя отчасти не переноситъ своего гнѣва и нелюбви и на самого преступника, и кто, наоборотъ, отличаясь снисходительностію къ грѣшнику, какъ человѣку, въ тоже время не смотритъ съ нѣкоторымъ послабленіемъ и на самый грѣхъ? Не то находимъ въ Христѣ. „Ничто, говоритъ Гизо, не производитъ на меня болѣе подавляющаго впечатлѣнія въ лицѣ Христа, какъ этотъ двоединный характеръ строгости и снисходительно-

*) Мѣ 26, 13;

**) Іоанн. 12, 31, 32;

сти. Для Него законъ Бога—нѣчто абсолютное. грѣхъ—Ему ненавистенъ; но къ самому грѣшнику Онъ чувствуетъ въ Себѣ всецѣлое влеченіе“. Какой строгостию чистѣйшаго сердца гремятъ обличительныя рѣчи Христа противъ самонадѣянныхъ вождей іудейскаго народа, книжниковъ, фарисеевъ и саддукеевъ. Можно ли безопаснѣе бичевать грѣхъ, нагляднѣе разоблачать его во всей его омерзительной наготѣ? Но въ этихъ рѣчахъ Господа нѣтъ и тѣни личной вражды къ своимъ врагамъ, напротивъ, одинъ глубокоэлегическій тонъ: собственное личное горе Христа сильнѣе всего звучитъ въ Его рѣчахъ въ виду безвозвратной гибели грѣшниковъ. А кого изъ кающихся грѣшниковъ Христосъ отпустилъ отъ Себя безъ прощенія, безъ разрѣшенія ихъ совѣсти отъ мукъ вины? И не умѣрялъ ли Господь крайній пылъ ревности своихъ учениковъ готовыхъ свести огонь съ неба на одно самарянское селеніе: *не знаете, какого вы духа; ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не погублять души Человѣческія а спасти.**)

Наконецъ, высокоуважаемые слушатели, останавливаемъ ваше вниманіе на основномъ чувствѣ сердца Христова, по отношенію которому все прочія проявленія Его духа должны быть признаны производными: это чувство—любовь къ Богу, Отцу своему и любовь къ ближнимъ, ко всему роду Человѣческому. Любовь къ Богу и ближнимъ составляетъ душу души Господа и проявляется въ такомъ видѣ, въ какомъ не находимъ ни у кого изъ людей. Любить Бога больше всего и любить ближняго, какъ самого себя, даже болѣе того—до положенія души своей за ближнихъ, это, по идеѣ священнаго законодательства даннаго въ ветхомъ завѣтѣ, возвышеннаго и просвѣтленнаго

*) Лук. 9, 56.

въ новомъ завѣтѣ. — два момента одного и того же чувства, немислимые одинъ безъ другаго, нераздѣльные, взаимнопроникающіе, взаимно составляющіе одно цѣлое. Богъ хочетъ быть любимымъ Самъ въ Себѣ, но и непремѣнно и въ ближнемъ и ближній долженъ быть любимъ въ Богѣ. Любовь къ Богу должна проявляться не въ мистическомъ настроеніи чувства, забывающемъ міръ Божій, не въ пустыхъ безсодержательныхъ вздохахъ, нерѣдко уживающихся съ гордостью, злобой, коварствомъ по отношенію къ ближнимъ, но въ живой и дѣятельной симпатіи къ созданіямъ Божиимъ и въ особености къ Человѣку, и вся любовь къ ближнему должна корениться въ любви къ Богу. Но у кого изъ людей этотъ идеаль любви, эта основа жизни Человѣческой, находился въ полномъ воплощеніи? Ни у кого: или любить Бога, хотя отчасти забывая при этомъ любовь къ ближнимъ, ставя свое я въ отрѣшенное отъ міра Человѣческаго отношеніе къ Богу и, такимъ образомъ, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, нарушая взаимопроникновеніе, нераздѣльность двухъ моментовъ одного и того же чувства; или, что всего чаще, любятъ ближняго, привнося въ единственно—законный принципъ этой любви—любовь къ Богу, чистоличное, самолюбивое начало. Одно только сердце Господа Христа всегда горитъ любовью къ Богу и любовью къ ближнимъ въ ихъ неразрывномъ единствѣ, въ вѣчномъ взаимопроникновеніи. Его любовь къ Отцу всегда не разлучна съ любовью къ людямъ, и Его любовь къ людямъ всецѣло и единственно исходитъ изъ любви къ Отцу и къ ней возвращается. Да, это такъ! Каждое внутреннее обращеніе Сына съ Отцемъ исходило изъ задачи Сына для міра; каждый даръ отъ Отца Онъ получалъ для людей—для утвержденія истины и силы жизни въ мірѣ.

Его самоотверженіе для Отца было самопожертвованіемъ для тѣхъ, которыхъ далъ Ему Отець. Но, съ другой стороны, Господь не знаетъ никакого другаго призванія жизни, кромѣ дѣла, даннаго Ему Отцемъ: *Мнѣ должно платить дѣла посланнаго Меня, доколѣ есть день.* Иоан. 9, 4.

Такъ любовь къ Богу и человѣчеству составляла основную силу духа Христова. Эта была любовь, связавшая божественное и человѣческое въ одинъ узелъ, открывшая въ нераздѣльномъ единствѣ два начала — Божества и человѣчества, воплотившая въ одномъ лицѣ Бога и человѣка; эта была любовь *чуждаго, безпримѣрнаго, сверхъестественнаго откровенія въ міръ Богочеловѣка!*

Высокоуважаемые слушатели! Мы начертали предъ вами далеко неполный и несовершенный образъ нашего Господа, сооѣтственно указаніямъ евангелій. Объ этой неполнотѣ и несовершенствѣ мы предупреждали васъ еще въ началѣ своего чтенія, Да, мы совсѣмъ не намѣтили многихъ и многихъ возвышенныхъ и чрезвычайныхъ линій въ этомъ поистинѣ чудесномъ образѣ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ поставили его предъ вашимъ воззрѣніемъ, не представляетъ ли онъ все основанія къ признанію живаго носителя его, Иисуса Христа, именно тѣмъ, какимъ Онъ Самъ себя объявляетъ міру. — *Сыномъ человѣческимъ и Сыномъ Божиимъ!* *) *Сынъ человѣческій*—это любимое самоназваніе Господа, повторяющееся въ евангеліяхъ около 70 разъ. Подъ этимъ

*) Рациональный выводъ о Христѣ какъ Богочеловѣкѣ изъ начертаннаго нами образа Его подъ руководствомъ евангелій сдѣланъ нами въ нашемъ напечатанномъ сборникѣ апологическихъ статей въ главѣ: «Христосъ—Богочеловѣкъ». (Общедоступныя статьи въ защиту Христіанской вѣры противъ неврія. 1881 г. Свещ. І. Петровпавловскаго).

названіемъ Господь разумѣетъ Себя лицемъ, абсолютно реализировавшимъ идею человѣка, открывшимъ въ Себѣ втораго Адама, новаго главу, представителя рода человѣческаго. Самоназваніемъ: *Сынъ Божій* Господь, какъ это видно изъ многихъ рѣчей Его, указываетъ: а) Свое единственное, исключительное происхожденіе изъ лона Бога Отца: *Я отъ вышнихъ, Я не отъ міра сего; вы отъ нижнихъ, вы отъ міра сего; Я отъ Бога исхождю **); б) Вѣчное бытіе съ Отцемъ: *истинно истинно говорю вамъ: прежде нежели былъ Авраамъ, Я есмь; **)* в) одинаковую жизнь и дѣятельность съ Богомъ Отцемъ: *Какъ Отець имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сынъ далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ; Отцемъ Мой донынѣ дѣлаетъ и Я дѣлаю; что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ такимъ же образомъ: какъ Отець воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ оживляетъ, кого хочетъ; ***)* наконецъ, г) вообще равенство и единосущіе съ Отцемъ: *Я и Отець—одно †).*

Такъ слушатели, Христосъ есть истинный Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти. Заключимъ свою рѣчь возвышеннымъ воззваніемъ къ Спасителю церковной пѣсни: „Ты моя крѣпость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Богъ, Ты мое радованіе!...“

*) Иоаннъ 8, 23;

**) Ib. 8, 58;

***) Ib. V, 26. 17. 19. 21;

†) Иоан. 10, 30;

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I Чтеніе.

	Стр.
Центральное значеніе догмата о Богочеловѣчествѣ Иисуса Христа въ ученіи христіанской вѣры.	1
Непостижимость этого догмата самого въ себѣ и незыблемыя основанія его для нашей вѣры въ собственномъ лицѣ Господа, отпечатлѣнномъ въ нашихъ Евангеліяхъ.	5
Непобѣдимостъ челоуѣческаго несовершенства въ методическомъ изображеніи лица Господа.	8
Немыслимостъ болѣе возвышеннаго представленія лица Иисуса Христа по сравненію съ его евангельскимъ изображеніемъ.	10
Достоуѣрностъ евангельской исторіи о Христвѣ.	11
Всесторонностъ раскрытія духа Христова въ кратковременное служеніе Господа на землѣ.	15
Безпримѣрностъ впечатлѣнія лица Господа на окружавшихъ Его современниковъ.	16
Впечатлѣніе необычайнаго величія евангельскаго образа Иисуса Христа на всякаго, изучающаго этотъ образъ.	22
Общій характеръ и сущностъ этого величія: а) въ самомъ духѣ Господа, и б) въ выраженіи его въ общественной дѣятельности Спасителя.	23

II Чтеніе.

Ближайшее разсмотрѣніе высочайшаго духа Христова: полная гармонія въ состояніи всѣхъ духовныхъ силъ Господа.	28
Сила разума Господа, безконечно возвышающая Его ученіе надъ всѣми челоуѣческими и ветхозавѣтнымъ ученіями какъ по формѣ, такъ и по содержанію.	31

Стр.

Широта практическаго направленія Духа Господа; нравственная сторона Духа Христова и ея исключительныя особенности.	35
Сердце Господа, неизмѣнно соединяющее въ себѣ проявленіе разнообразныхъ чувствъ: радости и горя, строгости къ грѣху и милосердія къ грѣшнику, любви къ Богу и роду человѣческому	42
Общій выводъ: неотразимость заключенія о лицѣ Господа, какъ истинномъ <i>Сынѣ Человѣческомъ</i> и <i>Сынѣ Божіемъ</i> или <i>Богочеловѣкѣ</i>	46

